

Иосиф Келлер

ВСТРЕЧИ.
РЕПЕТИЦИИ.
СПЕКТАКЛИ.

«Автор предлагаемой книги — один из верных рыцарей оперного искусства. Он обладает огромным опытом режиссерской деятельности, много размышляет о судьбах и специфике оперного театра. Иосиф Келлер осознает и ощущает всю сложность, противоречивость, тысячу огорчений, разочарований и ни с чем не сравнимых радостей, которые заключает в себе искусство оперы...

Автору книги есть что вспомнить, и эти воспоминания, я уверен, будут приняты читателем не как сухой перечень событий и фактов, а как живое слово современника...».

Так представляет народный артист СССР профессор Борис Покровский автора этой книги, готовящейся сейчас в Пермском издательстве. Называется она «Встречи. Репетиции. Спектакли», а написал ее член Союза писателей СССР заслуженный деятель искусств РСФСР, лауреат Государственной премии Иосиф Исаакович Келлер, режиссерское творчество которого вот уже в течение трех десятилетий связано с Пермским театром оперы и балета.

Главы из этой книги редакция предлагает вниманию читателей.

КОГДА весной 1947 года я приехал в Пермь, меня поселили в гостинице «Центральная». Оперный театр, отделенный от нее небольшим сквером, находился напротив. Утром в день приезда я подошел к театру. Его двор, как и десять лет назад, захламленный старым театральным имуществом, огражден все тем же деревянным забором с проходной будкой и скрипучей дверью. Но на этот раз я входил в нее как главный режиссер театра. Театра, в котором пройдут тридцать лет моей режиссерской жизни.

Она счастливо совпала с тем периодом в истории советского оперного искусства, когда резолюция партийного совещания при Агитпропе ЦК ВКП(б) по докладу «Очередные задачи театральной политики» определила, что «основной критерий оценки работы театров, который может применяться в проведении теаполитики... это критерий социально-политической значимости». То были годы, когда, преодолевая заблуждения и ошибки, оперное искусство вышло на широкую дорогу социалистического реализма.

В день приезда я с нетерпением ждал встречи с четырьмя старыми сослуживцами по Свердловску: Савелием Григорьевичем Ходесом, директором, пригласившим меня в Пермь, главным дирижером Анатолием Алексеевичем Людмилиным, главным художником Борисом Александровичем Матруниным и Владимиром Александровичем Кононовичем, главным балетмейстером.

Помню общее собрание коллектива Свердловского театра в 1930 году, с настороженным любопытством ожидавшего знакомства с новым директором. Думали увидеть солидного, в годах, человека, имевшего немалый директорский опыт руководства оперным театром. Тем неожиданней оказалось, что он молод и волос у него длинные, как у поэта. Кто-то даже нашел сходство его с Гоголем!

Большинству новый директор понравился. И все же тревожно было: справится ли Ходес с незнакомым для него оперным «хозяйством»?

— Говорить, по всему виду, — мастер. Хватит ли пороха договориться с двумя нашими «зубрами» — Пазовским и Лосским? — сомневались одни.

— Ему всего 28 лет! — удивлялись другие.

— Не пройдет и недели, они молодого человека слопают. Помяните мое слово! — пророчествовал скептик.

— А пострадает репутация театра! — сокрушались третьи.

Но мрачные сомнения вскоре исчезли. «Зубры» Ходеса не «слопали». Наоборот. С этими двумя крупнейшими деятелями оперного искусства его взаимоотношения становились лучше и лучше. И театр репутацию не уронил. Этому немало способствовал организационно-административный талант Ходеса, его умение «подбирать ключики» к капризным подчас характерам творческих работников. А неумная энергия и огромное личное обаяние нового директора сплывали коллектив.

Матрунин, по профессии архитектор, бросив архитектуру, успешно оформил ряд постановок в московских театрах, в том числе и вошедшую в историю советского оперного театра постановку Станиславского «Евгений Онегин».

Я с Борисом Александровичем сделал в свердловском театре «Кармен», «Майскую ночь» Римского-Корсакова и «Надежду Светлову» Ивана Дзержинского. Эти три встречи позволили в полной мере оценить его, художника большой культуры, и узнать как мягкого, деликатного человека, одинаково сдержанного в жизни и в театре, ни при каких обстоятельствах не повышающего голоса, не разговаривающего в оскорбительном тоне.

Среди балетмейстеров, работавших в периферийных оперных театрах, Владимир Александрович Кононович выгодно отличался теми же качествами, что и Матрунин, — врожденной интеллигентностью.

И вот я снова вместе с ними!

Ходес за время, что мы не виделись, внешне изменился. Стал полнее, солиднее, но сохранил юношеский темперамент. Людмилину после трудных военных лет, как ни странно, «погрузнел», а в пышной его шевелюре поприбавилось серебристых ниточек.

Матрунин, несмотря на прошедшие годы, — все такой же «красивый барин», неизменно спокойный, чуть-чуть флегматичный и ко всем театральным неожиданностям относящийся с завидным спокойствием.

Вечером шла «Царская невеста». Была возможность, пока как зритель, частично познакомиться с коллективом, с его творческими возможностями.

Сажу в директорской ложе. Свет еще не погашен. Музыканты настраивают инструменты. Зрительный зал не изменился — такой же, как десять лет назад. Но вот за дирижерским пультом появилась хорошо знакомая пермякам крупная, массивная фигура Людмилины. Зазвучала увертюра...

Слушаю «Царскую невесту», и от действия к действию растет радостное чувство — это не театр, знакомый мне по 1937 году. И если его «форма», старое здание, осталась такой, какой ее знало не одно поколение пермских театралов, то «содержание» неузнаваемо изменилось!

По окончании спектакля я пошел за кулисы познакомиться с главным хормейстером Л. Н. Виссоновым, музыкантом большой культуры и многолетним опытом театральной работы. Я нашел его отдыхающим на табуретке, на площадке крутой лестницы, ведущей со сцены на верхние этажи.

Невольно вспомнил, что и главный дирижер Петербургского Мариинского театра (ныне имени С. М. Кирова) всеильный Направник отдыхал в антрактах, за кулисами в кресле из пролога оперы «Фауст».

— Леонид Николаевич, артисты хора отлично пели весь спектакль...

— Могли петь лучше. Но половина хора — новички. Даже без музыкального образования. Воспитать в них профессионализм дело не одного года, — скромно ответил этот неутомимый труженик.

Из театра вышли вместе. Обоим идти в сторону гостиницы. После пыльного и душного воздуха кулис хорошо дышалось весенней свежестью. Не спеша шли по бульвару. Внизу под крутым откосом Кама, еще не проснувшаяся от долгой зимней спячки.